

Дело «Чёрные»: к истории антикрестьянского террора в Западной Сибири (1930 г.)

Органы ОГПУ, опиравшиеся на раздутый, но не очень эффективный агентурный аппарат, оказались неспособны предотвратить колоссальную вспышку крестьянских мятежей в 1930 г., когда в различных антиправительственных выступлениях против коллективизации и «раскулачивания» участвовало свыше 3-х млн чел. В условиях нарастания повстанческой активности чекистские руководители в начале 1930 г. приняли решение действовать методами «массовых операций». Вместо развёрстаных на Сибирь согласно решению ОГПУ СССР от 2 февраля 1930 г. арестов 5–6 тыс. «кулаков» местные чекисты репрессировали почти вчетверо больше крестьян, превратив «кулацкую операцию» в чистку края от всех «бывших» людей — торговцев, офицеров, чиновников, священнослужителей. Всего за 1930 г. в Западной Сибири выселению подверглось около 81 тыс. крестьян, а ещё минимум 20 тыс. были арестованы; тройкой ПП ОГПУ оказалось осуждено 16 553 чел., из которых высшую меру наказания получили 4 762 чел., что более чем в четыре раза превышало средний по регионам СССР удельный «расстрельный» показатель.^[1] Известны крайне жестокие расправы с уничтожением, подобно делам 1937 — 1938 гг., основного числа фигурантов: так, по делу «террористической кулацкой группы» Коченёвского района Новосибирского округа в марте 1930 г. из 70 осуждённых *тройкой* было расстреляно 59 чел.^[2]

В представлении начальника учётно-осведомительного отдела (УЧОСО) полпредства ОГПУ по Сибкраю Г. А. Лупекина к ордену Красного Знамени в июне 1930 г. полпред Л. М. Заковский отмечал, что под его личным руководством в пределах Новосибирского округа в первом полугодии были ликвидированы ряд крупных контрреволюционных организаций: Вассинская (до 200 чел.), Чулымская (до 400 чел.) и Новосибирская (до 140 чел.)^[3]. Известно, что в Вассинском (Тогучинском) районе Новосибирского округа весной 1930 г. была ликвидирована «организация» во главе с бывшим партийцем Шустовым, возникшая в конце 1929 г., достигшая численности 160 чел. и планировавшая поднять восстание 1 апреля 1930 г.^[4] Один из руководителей (вероятно, сексот), опасаясь ареста, бежал, помешав чекистам арестовать большую группу связанных с ним лиц.

Так же масштабно действовали чекисты и при фабрикации основных «ячеек» организации «Чёрные» летом и осенью 1930 г. на более чем 300 крестьян-«повстанцев» Новосибирского, Барабинского, Каменского и Славгородского округов. По хорошо отработанной схеме они с помощью негласных агентов сфабриковали провокационное дело, поданное как филиал Трудовой Крестьянской партии. Зацепкой для его раскрытия послужила активность некоторых сельчан, возмущённых произволом властей и говоривших о необходимости создать организацию для защиты крестьянских интересов. Житель с. Жуланка Кочковского района П. Н. Волков, имевший среднее образование и до революции примыкавший к эсерам, с несколькими односельчанами обсудил планы создать организацию под лозунгами «Свободный труд» и «Свободная промышленность», после чего изготовил резиновый штамп с этими призывами и двуглавым орлом без короны. Волков показал на следствии, что «когда мы не нашли руководителя, я хотел это дело бросить...»^[5] Но чекисты сознательно с помощью агентуры провоцировали крестьян вступать в эту «организацию» и получать билетки с печатью.

Один из ведущих агентов-провокаторов ПП ОГПУ тех лет А. П. Левчук с мая 1929 по 1934 г. жил в Новосибирске и, работая бухгалтером-инструктором Сибкрайсоюза, часто выезжал на места проверять и инструктировать ТОЗы. В начале 1930 г. Левчук, выполняя чекистское задание, прибыл с инспекцией в Доволенский райколхозсоюз и поселился в доме связанного с ОГПУ крестьянина Ф. А. Черепанова, который вскоре заявил ему, что считает Левчука эмиссаром повстанческой организации с центром в Новосибирске. Левчук дал понять, что так оно и есть, после чего вернулся в краевой центр и получил в УЧОСО необходимые инструкции.

Чекисты велели Левчуку найти жителя с. Суздалка бывшего офицера М. И. Петрова и явиться к нему в качестве посланника от знакомого ему новосибирца Н. И. Майстеренко — якобы белого полковника (никогда не служившего в армии), а в 1917 г. занимавшего представительскую должность главы Украинской Рады в Новониколаевске (сам Петров именовал Майстеренко великим князем Николаем Николаевичем). Престарелый Майстеренко, зарабатывавший писанием жалоб от имени лишенцев и «раскулаченных», был превращён чекистами в крупного организатора повстанческого движения; годом ранее он считался лидером, как писали чекисты, «спровоцированной к-р организации Старо-Соседово Маслянинского района». Другим новосибирским активистом организации был назначен А. Н. Раевич, явный агент, рассказывавший знакомым, что после XVI партсъезда будет переворот и к власти придёт «выборный президент».^[6] Архивные данные позволяют с уверенностью говорить о провокационном характере деятельности и Черепанова (которого мог провоцировать сам Левчук), и Петрова, утверждавшего, что восстание должно состояться в июне-июле 1930 г.

Экс-чекист П. А. Костенко в 1958 г. показал, что в бытность его работы в Доволенском районе на М. И. Петрова имелись незначительные сведения: тот «не шёл в коммуну и иногда высмеивал порядки, существовавшие тогда в коммунах и ТОЗах». Бывший красный партизан, он судился за убийство (был оправдан) и в 1921 г. исключён из РКП (б). Чекисты смогли заставить его взять на себя роль одного из лидеров мифической организации.^[7] Оперативник УЧОСО Я. А. Пасынков 25 июля отправил в УЧОСО телеграмму, в которой говорил, что Петров — якобы «командир полка и связан с новосибирским руководством, поэтому даст нам весь состав центра, структуру деятельности и состав полка». Чекист беспокоился о том, что 30 июля Петров уезжает в Новосибирск, так что если начать операцию по ликвидации «разработки» без него, то он испугается и скроется, а в результате «получится аналогично ликвидированной Вассинской организации... начали операцию, когда один из резидентов организации Крюков выехал в гор. Новосибирск, узнав об операции, [он] домой не вернулся, а в связи с этим нами осталась нераскрытой боевая группа в 135 человек, подчинённая Крюкову». (Поскольку заместитель полпреда ОГПУ В. Н. Гарин распорядился по каким-то своим соображениям Петрова не арестовывать, тот, испугавшись массовых арестов, действительно скрылся, будучи задержан только в конце декабря 1930 г.) Также Пасынков сообщал, что если изъять только «Окуня» (П. Н. Волкова — А. Т.), то он даст лишь свой взвод и повстанческий штаб в с. Жуланка, а новосибирских связей не раскроет, ибо не связан с краевым центром.^[8]

От Ф. А. Черепанова осведомитель ОГПУ по кличке «Куликов» тогда же получил сведения о том, что глава организации — это бывший полковник Н. С. Лоскутов, житель г. Черепаново. Лоскутов приехал в район вместе с «Павлиным» (А. П. Левчуком), затем он из известных на данный момент оперативных документов исчезает, что заставляет думать о нём как об очередном агенте, намечавшемся на роль вожака повстанцев, но по каким-то причинам впоследствии выведенном из данной агентурной разработки.

Материалы дела содержат сведения и о других агентах ОГПУ, например, И. А. Афанасьеве, лидере «баганской повстанческой группы». Житель села Согорное А. Н. Мелехин в период массовых арестов 1930 г. скрылся и, по словам свидетеля А. К. Соболева в 1957 г., тот с тех пор не знал о местонахождении Мелехина, который летом 1930 г. утверждал, что руководит в с. Кочки (соседнем с Довольным райцентре) контрреволюционной группой и что восстание уже полностью подготовлено. Е. П. Портнягин, арестованный в 1930 г., в период переследствия показал, что Мелехин предлагал ему вступить в организацию, но Портнягин отказался. Мелехин не был арестован, но числился среди 14 организаторов, что явно говорит о том, что он - провокатор.^[9]

М. Е. Копейкин, работая заместителем председателя Кочковского райисполкома, в 1930 г. одновременно был районным резидентом информационной секретной сети по кличке «Каргат». Обстановка в районе была сложная: так, 1 и 2 июля 1930 г. здание Кочковского райисполкома осадила толпа крестьян численностью до 200 чел. с требованиями возвращения ставшего колхозным хлеба. Селяне, надеявшиеся откупиться от властей выдачей зажиточных, чувствовали себя ограбленными и обманутыми. Они угрожали разбить амбары и выкинуть «колчаковскую власть» со второго этажа, крича: «Нас, бедноту, Советская власть обманула, мы кулаков повыказали, а нам сейчас говорят — иди в колхоз».^[10]

В ответ 18 июля 1930 г. Копейкин, опираясь на инспирированные доносы, отправил в ОГПУ сообщение о наличии в районе кулацкой контрреволюционной организации. Так, кочковский комсомолец Вениамин Степанов распускал среди крестьян слухи о том, что скоро будет переворот, а в заговоре состоит всё районное начальство, включая уполномоченного ОГПУ. А «сын кулака» В. Ф. Гуляев в присутствии Копейкина, будучи в подпитии, 6 июля говорил, что тремя днями ранее в Кочках состоялся съезд эсеровской партии с более чем сотней участников из всех округов Сибкрая. На этом съезде сделал «нам доклад о политическом состоянии в СССР т. Керенский, который указал нам, что скоро будет Советской власти крах. Сталина ранили, промышленность [упала] на 50%...»^[11] Гуляев, несмотря на такие речи в присутствии резидента ОГПУ, впоследствии не арестовывался.

Решение о ликвидации агентурной разработки «Чёрные» было принято руководством краевого полпредства, скорее всего, из карьерных соображений. Заместитель Заковского В. Н. Гарин, начальник УЧОСО Г. А. Лупекин и начальник 2-го отделения УЧОСО П. В. Чистов 30 июля 1930 г. направили руководству Каменского окротдела ОГПУ директиву, в которой указывалось, что разрабатываемая контрреволюционная организация «Чёрные» за последнее время значительно активизировалась, ведя подготовку к восстанию. В связи с этим в начале августа во всех округах, где обнаружены «группы и связи» повстанцев, планировалась «ликвидация разработки». В Каменском округе самые активные группы, по мнению чекистов, базировались в сёлах Кочки, Быструха, Жуланка, Панкрушиха, Мохнатка и ряде других. От начальника Каменского окротдела требовалось «тщательно проработать вопрос о рассадке арестованных и обеспечения камер надёжным осведомлением», для чего «одновременно с арестом лиц, проходящих по разработке, необходимо арестовать и осведомление, связанное с ними». Он должен был проследить, чтобы все наиболее активные фигуранты, а также осведомители были препровождены в тюрьму окротдела «для рассадки по заранее заготовленным камерам».

Также Гарин, Лупекин и Чистов озабоченно напоминали, что поскольку «агентурным путём разработка до момента ликвидации проработана недостаточно, необходимо все неясные моменты: неустановленные связи, руководящий центр, ряд моментов практической работы организации — выявить и вскрыть уже в процессе следствия... широко используя материалы

подсадки и показания обвиняемых. [...] Установить руководящие центры организации и выявить связи с Новосибирским, Барабинским, Славгородским и Барнаульским округами и г. Новосибирском, обстоятельно допросив по этому поводу Богданова, проживающего в г. Камне, и Волкова Прокопия в с. Жуланка... От Волкова Прокопия добиться исчерпывающих показаний о существовании штаба организации в с. Жуланке, численном и руководящем составе организации, наличии ячеек по районам Каменского округа». О ходе следствия окротдел должен был информировать новосибирских чекистов пятидневными сводками.[\[12\]](#)

В августе 1930 г. в с. Довольное из Новосибирска прибыла оперативная группа во главе с уполномоченным УЧОСО Г. Л. Биримбаумом, его коллегами Я. А. Пасынковым, Д. Фоминым, помощником уполномоченного секретного отдела полпредства И. К. Лазаревым, райуполномоченными М. Д. Бодухиным, И. И. Лагуткиным, М. А. Петровичем и П. А. Костенко. 7 августа, за сутки до предполагаемого восстания, чекисты и коммунисты провели в Довольном массовые аресты, схватив около 70 чел. Арестовавший Ф. Черепанова местный коммунист В. П. Степанов позднее показал, что в его присутствии Фомин и Костенко, требуя признаний, избивали Черепанова. Поскольку агентурных материалов было недостаточно, а оружия ещё меньше (нашли всего четыре винтовки и пять охотничьих ружей), то следствие велось откровенно пыточным способом. Многих крестьян чекисты, вымогая признания, жестоко избивали: сваливали на пол ударом бутылки или ребром ладони по шее, а потом били кулаками, ногами, рукоятками наганов.[\[13\]](#)

Правда, один раз опергруппа столкнулась с настоящим вооружённым сопротивлением, когда в ночь на 17 августа 1930 г. во время облавы в пос. Москвинка попыталась схватить известного «бандита» Порфирия Григорьева (был ли он уголовником или повстанцем из «раскулаченных», не ясно) и его сподвижника Е. В. Жеребцова. Последний был схвачен, а Григорьев отстреливался, из револьвера ранил чекиста М. Бодухина в голову и смог бежать.[\[14\]](#)

После ареста и расстрела первой волны «заговорщиков» чекисты продолжали готовить почву для новых массовых репрессий, заставляя агентуру сочинять небылицы о заговорах. В конце октября 1930 г. уполномоченный Доволенского райаппарата ОГПУ дал сводку, в которой цитировал показания осведомителя, зафиксировавшего разговор во время пьяной вечеринки в доме середняка с. Согорное А. А. Янголя: якобы крестьянин Д. М. Хрычкин хвастался, что специально приехал из Москвы делегатом от «правых коммунистов» и что в Новосибирске в сентябре состоялся целый съезд из 140 человек, в том числе по одному представителю от Англии и Франции, а двое из Москвы. Съезд заседал на разных квартирах на окраине Новосибирска в течение 12 дней, после чего Хрычкин, руководивший вместе с двумя коллегами организацией в пяти сельских районах, уехал в Москву за оружием. В столице заговорщики показали ему склады с обмундированием, откуда три вагона уже были отправлены в Новосибирск «на имя 62-го полка, но это нашей организации обмундирование».[\[15\]](#) Аресты «эсеровских заговорщиков» активно продолжались и в конце 1930 — начале 1931 гг. Ещё одним активным «повстанцем» чекистами был записан ровесник и земляк Петрова Я. Ф. Попелуха, также бывший партизан и красноармеец. Петров показал, что Попелуха — участник «повстанческого съезда» в Новосибирске и имел кличку «Ржавый пулемёт». Якова Попелуху смогли арестовать на три дня позже Петрова — 28 декабря 1930 г.

В ходе завершения разработки «Чёрные» сначала на строительстве Турксиба арестовали М. И. Петрова и Я. М. Попелуху, а в феврале 1931 г. был схвачен бежавший в Кузнецкий округ лишенец из Новосибирска В. А. Сысоев, показавший затем, что руководитель Жуланского штаба П. Н.

Волков якобы говорил ему, что «организация» имеет конспиративные связи с чекистами г. Камня. В марте 1931 г. дал показания сломленный двухмесячным заключением И. И. Шапошников, признавший себя руководителем повстанцев в с. Долганка Крутихинского района.^[16] Эти «признания» позволили чекистам отчитаться о раскрытии новых филиалов организации «Чёрные».

Общим руководителем организации был назначен бывший лидер социалистов-федералистов Новониколаевска Г. И. Жерновков, но в деле каких-либо следов его руководящей работы не отыскалось, *тройка* в конце концов дело в отношении него прекратила. Считавшиеся головкой организации Г. И. Жерновков, Н. И. Майстеренко и Д. Ф. Ермолов виновными себя не признали, точно так же отрицало вину и большинство остальных арестованных. Реабилитационная проверка показала, что показания М. И. Петрова, Я. М. Попелухи, П. Н. Волкова и других расстрелянных «активистов-повстанцев» были записаны схематично, без выяснения обстоятельств их заговорщицкой деятельности.^[17]

В обвинении говорилось, что руководители заговора «имели намерение свергнуть на местах советскую власть путём массового всенародного требования или же путём вооружённого восстания». Приговоры по делу «Чёрные» состоялись 25 сентября 1930 г. и 28 мая 1931 г., когда *тройкой* из 298 чел. были приговорены к расстрелу в общей сложности 72 чел. (одному из них по пути к месту казни удалось бежать). На 10 лет был осуждён 31 чел., на пять лет — 73, на три года — 66, а остальные получили условные наказания либо ссылку.^[18] По распространённой практике, чекисты уничтожили в качестве активистов организации и своих агентов.

Таким образом, массовость репрессий начала 30-х годов подразумевала отсутствие серьёзной агентурной проработки. Чекисты ограничивались первичной негласной информацией о «заговорах», полученной от специально подготовленных провокаторов, а затем разворачивали дело в большую организацию с помощью пыточного следствия и внутрикамерных агентов. Следствие являлось сугубо формальным: протоколы с «признаниями» составлялись следователями, задачей которых было добиться подписи арестованного. Численность наиболее крупных «контрреволюционных повстанческих организаций» доходила до нескольких сотен человек. Дело «Чёрные» является характерным для 1930 г. примером создания крупной «заговорщицкой организации», основывавшейся на информации о легальном крестьянском протесте. Методы, применяемые при фабрикации этого дела, восходили к традиционным способам работы ВЧК-ГПУ периода гражданской войны, и были использованы при конструировании больших политических дел в ходе внесудебных репрессивных акций 1933 и 1937–1938 гг.

Примечания:

^[1] Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929—1941 гг. — М., 2008. С. 340.

^[2] Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 1. — Новосибирск, 2005. С. 376–378.

^[3] ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 106. Л. 17.

- [4] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 3. 1930–1934. Кн. 1. 1930–1931. Документы и материалы. — М., 2003. С. 273.
- [5] ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои / Под ред. И.В. Добровольского. — Франкфурт-на-Майне-М., 1999. С. 376–378.
- [6] АУФСБ по НСО. Д. П-17386. Т. 1. Л. 141, 260; Т. 3. Л. 185; Т. 7. Л. 280, 284, 459, 461–464, 595 об., 297.
- [7] Там же. Т. 7. Л. 487; Т. 5. Л. 433.
- [8] Там же. Т. 7. Л. 525, 526.
- [9] Там же. Л. 525, 285–292, 362, 559–562 об., 651.
- [10] Там же. Л. 542.
- [11] Там же. Л. 538–540.
- [12] Там же. Л. 543–546.
- [13] Там же. Л. 567, 582–583 об., 593, 594.
- [14] Там же. Л. 525.
- [15] Там же. Л. 531–532.
- [16] Там же. Т. 1. Л. 567; Т. 4. Л. 21, 51–52, 140; Т. 5. Л. 428; Т. 7. Л. 525.
- [17] Там же. Т. 7. Л. 684, 790.
- [18] Там же. Т. 1. Л. 683, 716–718; Т. 5. Л. 428–438; Т. 7. Л. 724, 725.

Список литературы:

1. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои / Под ред. И. В. Добровольского. — Франкфурт-на-Майне-М., 1999. 456 с.
2. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 1. — Новосибирск, 2005. 436 с.
3. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 3. 1930–1934. Кн. 1. 1930–1931. Документы и материалы. — М., 2003.
4. Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929—1941 гг. — М., 2008. 632 с.

Опубликовано: История сталинизма: крестьянство и власть. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 29 сентября — 2 октября 2010 г. — М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 422 с. (История сталинизма. Дебаты). С. 301–308.